

Глава 50 - Жемчужины.

Хорошо, когда есть деньги. Сяо Инь, князь Юэ, оставил своему сыну много денег, в общей сложности почти тысячу таэлей серебра. Сяо Юй взял пятьдесят таэлей из этих денег и выбрал участок земли по фэн-шуй, чтобы построить светлое и просторное здание школы.

Было построено три ряда кирпичных домов, два для учебных классов и один для общежитий персонала, укомплектованных совершенно новыми столами и стульями.

Сяо Юй тратил деньги на школу гораздо щедрее, чем на собственный дом, используя все самое лучшее. Пэй Линьчжи не мог удержаться, чтобы не поддразнить его: "Ты не чувствуешь огорчения, когда тратишь не свои собственные деньги".

Сяо Юй не мог перестать смеяться: "Нет, нельзя мелочиться на образование и нельзя экономить на детях. Кроме того, это плюс в карму для А-Пина, разве это не лучше, чем сжигать благовония в храме, чтобы умилостивить богов?".

Пэй Линьчжи не знал, почему в его устах так много странных слов, но он должен был признать, что в этих словах есть смысл, дети - это будущее и надежда, и к ним нужно относиться серьезно.

Хотя Его Высочество был еще очень молод, он обладал ясным умом, но жаль, что люди вокруг него не могли понять его добрых намерений, интересно, сколько людей отправят своих детей в школу?

До завершения строительства школы, были также построены склады и мастерские. Сяо Юй организовал перенос туда фарфоровой мастерской, и были восстановлены три печи.

Одна использовалась для обжига грубого фарфора, такого как кувшины, горшки и урны, другая - для обжига чашек, мисок, тарелок и блюд, а третья - для обжига более хрупких предметов, таких как вазы, чайники и кувшины для вина.

Большинство этих предметов были украшены Сяо Юем, и мастера медленно изучали, как их сделать, как вырезать, и даже пробовали свои силы в трассировке узоров. Ремесленники смогли создать несколько изделий, которые уже были в хорошей форме.

Фарфоровую печь со двора наконец-то убрали, и все наконец-то немного успокоились. Несколько помещений, которые ранее использовались как фарфоровые мастерские, были очищены и заново покрашены, чтобы использовать их в качестве шелководческих и ткацких мастерских.

В этом году был собран урожай шелковичных червей, и хотя в конце года была нехватка тутовых листьев, все смогли найти тутовые листья и заменители и выжили без проблем.

После сбора гор белоснежных коконов, появлялись дома шелкопрядов и ткацкие мастерские, где все желающие могли варить коконы и делать шелк.

Некоторые из купленных слуг имели родственников, которые умели обращаться с шелкопрядами, поэтому они научили всех, как наматывать и ткать шелк. Здесь собрались почти все деревенские женщины и девушки. Объем работы по наматыванию и ткачеству шелка был огромным, и работа была настолько тонкой, что требовалось много рук.

Сяо Юй никогда не стеснялся платить за работу, причем он был готов платить независимо от пола, лишь бы результат того стоил, поэтому всем нравилось приходить к нему домой работать.

Причина, по которой шелк был таким дорогим, заключалась не только в малом количестве, но и в том, что его создание отнимало много времени и сил.

Еще долгое время у женщин в деревне будет работа, что означало, что есть деньги, которые можно заработать. Все были счастливы, что могут зарабатывать деньги, чтобы содержать свои семьи, как это делали мужчины, и что им больше не нужно просить мужчин, когда они хотят купить масло для волос или другие женские вещи.

Этим вечером, когда Сяо Юй и Пэй Линьчжи возвращались из школы, они наткнулись на спорящую семью, за которой наблюдало множество людей.

Как ни странно, хозяйка дома стояла за дверью и разговаривала с наблюдавшими за ней женщинами, в то время как изнутри дома вылетали метлы, горшки, лопаты и другие вещи.

Наблюдавшие женщины не забывали подтрунивать: "Невестка Юэя, ты видишь, что второй брат все еще не может отпустить, бросает вещи, которые нельзя разбить, вместо этого он бросает кастрюли, сковородки, миски и масленки".

Юэя улыбнулась и сказала: "У него хватает смелости выбрасывать их, потому что я могу позволить себе купить их, даже если они упадут, и теперь мне не нужно просить у него денег, чтобы иметь возможность купить масло и соль".

Женщины, наблюдавшие за происходящим, зааплодировали: "Да, теперь мы тоже можем зарабатывать деньги, и нам больше не придется смотреть на их вонючие мужские лица. Почему мы не можем тоже зарабатывать деньги? Это мы готовим, моем посуду, стираем и заботимся обо всей семье, а мужчины должны сидеть и ждать готовой еды. Неразумно ругать нас за то, что мы не приготовили вовремя".

Многие женщины согласились: "Да, это правда. Мы все зарабатываем одинаковое количество денег, чтобы содержать свои семьи, и мужчины ничем не лучше женщин. Сяо Ланьцзюнь также сказал, что все люди рождаются равными, нет разницы между высокими и низкими".

Пэй Линьчжи держал А-Пина, и со смехом, локтем толкнул Сяо Юя: "Это из-за тебя эти женщины взбунтовались".

Сяо Юй тоже не мог удержаться от смеха: "Зачем небо мужчинам? Женщины - это уже половина неба".

Пэй Линьчжи покачал головой: "Речь Ланьцзюня становится все более и более забавной".

Он подошел и спросил: "О чем это вы тут галдите?".

Только тогда разговаривающие женщины заметили Сяо Юя и Пэйя Линьчжи в задней части толпы, и они не могли не прикрыть рты и захихикали. Поскольку они выглядели хорошо, женщины всей деревни благоволили им. Они желанные мужья всех незамужних девушек.

Когда Юэя увидела их, она поспешила к ним и поздоровалась: "Господин Сяо и господин Пэй, рассудите нас. Когда я сегодня вернулась из ткацкой мастерской, мой Дзиро пожаловался, что я пришла так поздно и не приготовила для него еду. Я сказала ему, что я не играю на улице, и если он вернулся первым, то мог бы приготовить себе сам, раз был голоден. Он сказал, что я неправа, не выполняю свою работу, что я не придерживаюсь женского образа жизни и так далее. Я выслушала столько обвинений!".

Сяо Юй рассмеялся и сказал: "Ну, об этом буду судить я. Где Дзиро?"

Юэя понизила голос и сказала: "Он сидит дома, дуется и не выходит".

Сяо Юй и Пэй Линьчжи посмотрели друг на друга, и вошли в дом. Дзиро услышал их приближение и, увидев их, поприветствовал с некоторым смущением: "Господин Сяо и господин Пэй, пожалуйста, садитесь".

Сяо Юй махнул рукой: "Нет, я просто пришел поговорить с тобой. В конце концов, это все моя вина, я попросил твою жену помочь мне и задержал ее приготовление пищи для тебя".

Дзиро был полон смущения: "Нет, нет, Ланьцзюнь тут не причем".

Сяо Юй сказал: "Я знаю, что ты обычно тоже много работаешь, выполняешь всю физическую работу, и хотел вернуться, чтобы отдохнуть и поесть горячего", - Дзиро был рабочим, работающим в мастерской у печи для обжига зеленого кирпича.

Дзиро ничего не сказал, он просто кивнул головой.

Юэя уже собиралась открыть рот, чтобы возразить, когда Сяо Юй продолжил: "Но твоя жена тоже не бездельничает, она тоже много работает в ткацкой мастерской. Она находит свою

ценность в ткачестве и испытывает чувство гордости за свою работу, мы должны уважать и радоваться за нее. Она так много работает, чтобы заработать больше денег для вашей семьи и разделить с тобой бремя, поэтому ты должен поддерживать ее, а не противостоять ей. Что касается работы по дому, то это не является по своей сути только женской работой. Разве мужские руки не могут разжечь огонь или держать метлу? Разве это принижает мужчин?,- он засмеялся.

Юэя улыбнулась и сказала: "Правильно, посмотрите, сколько смысла в словах Сяо Ланьцзюня. Если у тебя есть время, ты должен разделить домашнюю работу со мной. Посмотри на других людей, на Сяо Ланьцзюня и Пэй Ланьцзюня, разве они все еще не воспитывают детей и не готовят сами?"

Дзиро был убежден: "Я понял, я сделаю это".

Сяо Юй улыбнулся: "Мужья и жены должны понимать и помогать друг другу, чтобы жизнь была лучше. Ладно, вы двое миритесь, а мы пошли".

"Берегите себя, господин!"

Когда они вышли из дома, их встретили гром аплодисментов, а женщины похвалили их: "Это было очень хорошо, господин Сяо! Мы, женщины, не рождаемся у плиты".

Они вышли из толпы, пока вокруг никого не осталось, и Пэй Линьчжи улыбнулся: "Ты принес много перемен, я волнуюсь..."

Сяо Юй повернул голову и спросил: "О чем ты беспокоишься?"

Пэй Линьчжи сказал: "Я беспокоюсь, что девушки из деревни Байша могут подвергнуться издевательствам со стороны семей своих мужей, если они выйдут замуж вне дома".

Сяо Юй поднял брови: "Почему над ними будут издеваться?"

Пэй Линьчжи сказал: "Ланьцзюнь учит их, что мужчины и женщины равны, но на самом деле это не так, я беспокоюсь, что у людей снаружи много правил, и девушки из деревни Байша подвергнутся порицанию".

Сяо Юй рассмеялся: "Тогда не выдавай их замуж на сторону. В нашей семье еще десятки холостяков, и я даже боюсь, что девушек из деревни Байша не хватит, чтобы им всем жениться".

Пэй Линьчжи промолчал. Эти холостяки из их семьи подписали договор купли-продажи и не считались свободными, и он не знал, будут ли они приятны девушкам в деревне. Хотя рабы их семьи мало чем отличались от обычных людей.

Когда он посмотрел на улыбку Сяо Юя, он почувствовал волнение в своем сердце. Его Высочество находясь здесь, превращает деревню Байша в идеальную страну, где нет ни войны, ни голода, где стариков поддерживают, молодых лелеют, где мужчины возделывают землю, а женщины ткут, и где каждый может учиться и использовать свои таланты.

Каким прекрасным был бы мир, если бы такая модель была распространена на всю Империю Ань или даже на весь мир, только вот можно ли реализовать такую модель?

Когда они вернулись домой, они обнаружили, что Мэн Хун ждет их, и Сяо Юй спросил: "Брат Мэн что-то хочет?".

Мэн Хун протянул ему книгу: "Это бухгалтерская книга за этот месяц, завтра нужно выплатить зарплату, пожалуйста, просмотрите ее".

Сяо Юй взял ее: "Да, спасибо, брат Мэн, спасибо за твою тяжелую работу. Я дам тебе денег позже, и ты сможешь распределить их".

"Хорошо",- согласился Мэн Хун.

Сяо Юй сказал: "Присаживайся",- он сел за каменный стол и прикоснулся к чайнику. Чайник был еще теплым, вероятно, его приготовил Цзи Хай или та маленькая девочка, поэтому он сам налил три чашки: "Давай, выпьем чаю. Завтра должен вернуться Сихуэй, верно?"

Говоря о своем сыне, лицо Мэн Хуна, полное превратностей, показало улыбку облегчения: "Если ничего не случится, то он должен вернуться".

Сяо Юй повернул голову к Пэйю Линьчжи и сказал: "Линьчжи, завтра ты должен пойти в город, чтобы доставить бумагу, забери наших будущих докторов".

Мэн Хун махнул рукой: "Не беспокойтесь, это всего в нескольких милях отсюда, они могут и пройти пешком. Я не думаю, что они занимаются физическими упражнениями сидя в школе".

Пэй Линьчжи сказал: "Не думаю, что есть необходимость забирать их, я еще даже не выйду из дома, как они уже вернуться".

Сяо Юй рассмеялся: "Верно, Сихуэй так хочет вернуться домой, что всегда ждет, когда откроются ворота перед рассветом, и тащит Чан Шэна к городским воротам".

"Толку то, от его любви к дому",- сказал Мэн Хун, но улыбка на его лице не уменьшилась.

Сяо Юй сказал: "Как можно не любить свою семью? Наоборот, это означает, что он

эмоционально привязан и подходит для изучения медицины, потому что сможет сопереживать страданиям своих пациентов и в будущем станет особенно хорошим врачом".

"Это хорошо, что он сможет помочь Ланьцзюню",- сказал Мэн Хун.

Сяо Юй сказал: "Не только мне, если они научатся медицине, то смогут помочь всем нам".

Мэн Хун сделал глоток чая и на мгновение замешкался, прежде чем заговорить: "Сегодня чиновники пришли, чтобы собрать жемчуг. Многие люди в деревне еще не собрали его, и многие выйдут завтра в море".

Сяо Юй сделал небольшую паузу: "Они собираются собирать жемчуг? Мы тоже можем пойти и достать первые раковины жемчуга, которые мы положили, чтобы увидеть результаты".

Мэн Хун был немного взволнован: "Теперь мы можем собрать тот жемчуг?".

Сяо Юй кивнул: "Ну, с момента закладки первой партии жемчуга прошло почти полтора года, так что они должны быть готовы к сбору. Я не знаю, каковы будут результаты, но я с нетерпением жду их. Вы помните, где была размещена первая партия материнских раковин?".

Пэй Линьчжи сказал: "Я помню, так что завтра пойду и достану немного, чтобы посмотреть".

Сяо Юй вздохнул: "Интересно, не украли ли их?".

"Некоторые будут потеряны, но не все. За ними всегда кто-то наблюдает",- сказал Пэй Линьчжи.

Когда правительство изначально выделило участок моря для выращивания жемчуга, они сказали, что послали кого-то присматривать за ним. Сяо Юй обнаружил, что официальные охранники вполне справляются, рыбачат три дня и два отдыхают, поэтому у него не было другого выбора, кроме как договориться с собственными людьми, чтобы они несли вахту от имени правительства.

Охранники жили на берегу, и когда они видели проходящих людей, то уговаривали их уйти, если они были простыми людьми, а если кто-то другой, то приходили и сообщали, чтобы выгнать их.

Но такой поступок наверняка вызовет любопытство к тому, что лежит на дне моря. Чем большему числу людей не разрешалось находиться здесь, тем выше было бунтарство народа, так что наверняка было много воров.

Сяо Юй решил, что когда будут получены результаты, он просто предаст дело огласке, чтобы

жители Ячжоу знали, что правительство взяло на себя ответственность за выращивание жемчуга, и что людям больше не придется ходить в море, чтобы собирать его.

Конечно, найдутся жадные люди, которые украдут жемчуг, но тогда ферма будет охраняться более строго, и воров можно будет ловить открыто.

На следующее утро, когда все завтракали, Мэн Сихуэй вернулся и сразу же бросился к двери зала: "Эй, я снова вернулся! Ланьцзюнь, учитель, отец".

Все были рады его видеть, и Сяо Юй сказал: "Ты еще не завтракал? Садись с нами".

"Да, Ланьцзюнь", - Мэн Сихуэй отсалютовала и, как обезьяна, убежал на кухню за тарелкой.

На лице Мэн Хуна появилось обеспокоенное выражение: "Может ли он быть хорошим врачом, если такой дурашливый?".

Сяо Юй улыбался: "Быть хорошим врачом не имеет ничего общего с личностью, а с умением и моралью.

Мэн Сихуэй вскоре пришел с миской, вошел в зал, оттолкнул Цзю Яня с дороги и сел рядом с Цзи Хаем: "Дай мне сесть сюда, я давно не ел с тобой".

Цзю Янь лишь немного отодвинулся в сторону, этот второй старший брат, который никогда не тренировался вместе, всегда был таким, когда возвращался, всегда доминировал над ним. Но он не смел ругаться, этот второй старший брат был очень хорош в отстаивании своего мнения, его руки могли так надавить, что можно было не встать по полдню из-за онемевших сухожилий.

Сяо Юй видел, как они собрались вместе, и Мэн Сихуэй рассказывал им о городе, а дети вокруг него останавливали свои палочки, чтобы послушать его болтовню. С другой стороны, Чан Шэн, который вернулся с ним, был гораздо тише, и просто молча ел.

Мэн Хун проглотил еду, постучал по столу и сказал с укором: "Сихуэй, ты забыл, что нельзя говорить во время еды?".

Мэн Сихуэй посмотрел на отца, улыбнулся и поспешно опустил голову, чтобы молча есть.

Когда Мэн Хун закончил есть и встал, чтобы выйти, Мэн Сихуэй посмотрел на походку отца: "Отец, твоя болезнь ног возвращается? С этого момента не садись на колени, садись на табуретку".

Мэн Хун оглянулся на своего сына и сказал: "Ешь свой рис", - его тон стал намного мягче.

После обеда несколько человек отправились собирать жемчуг и ракушки, и Сяо Юй последовал за ними. Лишь несколько человек занималось имплантированием ядер, больше никто не знал.

Ноги Мэн Хуна становились все хуже и хуже, поэтому он боялся, что его придется заменить. Цзи Хай уже взрослый, поэтому он хорошо подходит, но они не могли полагаться только на него, и нужно было выбрать еще несколько помощников из детей дома.

Мэн Сихуэй выглядел взволнованно: "Вы специально ждали моего возвращения, чтобы забрать их? Я очень хотел проверить, удачно ли прижился жемчуг".

Никто ничего не сказал, все были взволнованы и немного опасались, боясь, что то, что потребовало столько усилий, окажется неудачным.

Сяо Юй посмотрел на бескрайний океан, полностью лишенный даже единой отметки, и сказал: "Откуда узнать, куда его положили?".

Мэн Хун сказал: "Мы можем оценить примерное местоположение на поверхности моря, а затем войти в воду, чтобы увидеть подводный рельеф".

Мэн Сихуэй сказал: "Отец, твое колено не работает, поэтому сегодня я пойду в воду".

"Нет, ты так давно не был в воде, я боюсь за тебя", - Мэн Хун был не согласен.

Пэй Линьчжи сказал: "Вам не нужно спускаться, я спущусь с Цзи Хаем, а вы подождете на лодке".

Пэй Линьчжи подгрёб к месту, огляделся вокруг и под водой и сказал Цзи Хаю: "Мы на месте".

Учитель и ученик кивнули, затем опустили в воду и нырнули.

Сяо Юй наблюдал, как вода продолжала плескаться, и постепенно успокаивалась. Через некоторое время вода снова начала всплескивать, и голова Цзи Хая первой вынырнула из воды, упираясь в борт лодки и вытирая лицо: "У меня здесь ничего нет, неужели его украли?"

Это была не очень хорошая новость, и Сяо Юй выглядел расстроенным. Через несколько мгновений неподалеку вынырнул Пэй Линьчжи, держа в руке бамбуковую клетку, и сказал: "У меня здесь две, похоже, мертвы и две раковины живы".

Сяо Юй поспешно подгрёб немного на лодке, взял бамбуковую клетку из рук Пэйя Линьчжи и повесил ее на борт лодки: "Много ли украли?".

"К счастью, здесь еще есть несколько клеток. Цзи Хай, иди и собери вон там".

Учитель и ученик вернулись под воду и извлекли последовательно шесть клеток. Хотя они проверили их после отсадки, около трети материнских раковин погибло, и они не знали, как обстоят дела с остальными.

Сяо Юй сказал: "Тогда забираем их, вернемся, откроем и посмотрим".

Люди погребли к берегу, доставали из клеток все раковины, складывали их в ведра, наполненные морской водой, и несли домой.

Теперь все операции по имплантации ядер проводились в свободной комнате Пэйя Линьчжи, поэтому, естественно, открытие раковин тоже происходило здесь.

Сяо Юй сказал: "Не вскрывайте их напрямую, постарайтесь достать жемчужины так же, как при посадке бусин, и постарайтесь не убить материнские раковины".

Мэн Сихуэй удивленно посмотрел на Сяо Юя: "Ланьцзюнь, это все еще можно использовать снова?"

"Я не уверен, я просто хочу попробовать. Позиция, в которую было имплантировано ядро бусины, была зафиксирована, жемчужина, скорее всего, все еще будет находиться в этой позиции, поэтому мы также попробуем извлечь жемчужину, как мы делали это ранее при операции",- сказал Сяо Юй.

Цзи Хай сказал: "Я сделаю это".

В дальнейшем имплантацией ядер бусин занимались в основном Цзи Хай и Мэн Хун. По сравнению с ними, руки Цзи Хая были более твердыми, потому что он занимался боевыми искусствами.

"Хорошо, сделай это",- Сяо Юй дал ему железную ложку, похожую на ложку для чистки ушей: "Ты используешь нож, чтобы приоткрыть ее, затем используй это, чтобы попробовать вытащить жемчужину".

Цзи Хай кивнул, придержал раковину, затем с помощью ножа приоткрыл ее, взял ложку и поковырял там, ложка была пуста, он попробовал еще раз, и она все еще была пуста.

Несколько человек затаили дыхание, наблюдая за движениями Цзи Хая, Сяо Юй подождал мгновение и нервно спросил: "Ну что? Ничего?"

Цзи Хай покачал головой: "Пусто".

У всех на лицах появилось выражение разочарование, и Сяо Юй сказал: "Откройте ее полностью и посмотрим, это действительно так? Выплюнули они ядро?".

Цзи Хай с силой разрезал раковину пополам, протянул руку и что-то нащупал в мякоти раковины, и на его лице появилась улыбка: "Вот она! Все получилось!", - он раздвинул мякоть раковины, затем достал блестящую белую жемчужину размером с боб.

Мэн Сихуэй взволнованно воскликнул: "Отлично! Здесь действительно есть жемчужина, покажи мне ее скорее".

Цзи Хай уже положил жемчужину в руку Сяо Юя. Жемчужина была не совсем круглой, немного овальной, так как имплантированное ядро в ранних раковинах было не совсем круглым.

Сяо Юй держал жемчужину в руке и поднес ее к Мэн Хуну: "Брат Мэн, как ты думаешь, эта жемчужина достаточно хороша для оплаты?".

Мэн Хун коснулся жемчужины дрожащими пальцами, затем посмотрел на свои пальцы, чтобы убедиться, что жемчужная пудра не рассыпалась: "Да, этого достаточно! Я никогда не думал, что смогу вырастить жемчужину таким методом. Вы действительно спаситель нашего народа в Ячжоу, господин", - сказав это, он опустился на колени и поклонился Сяо Юю.

Сяо Юй поспешно протянул руку, чтобы поднять его: "Не делай этого, брат Мэн, вставай".

Мэн Хун разрыдался: "Ты достоин такого поклонения. Отныне люди Ячжоу никогда больше не будут обременены налогом на жемчуг".

Мэн Сихуэй протянул руку, чтобы вытереть слезы отца: "Отец, почему ты плачешь из-за такого счастливого события? Я обязательно отплачу Ланьцзюню добром в будущем".

Мэн Хун кивнул: "Хорошо, твой отец слишком стар, чтобы помогать тебе слишком много, теперь все зависит от тебя".

Сяо Юй рассмеялся: "Да, зачем плакать, когда ты так счастлив. Цзи Хай, давай, продолжим. Первая в порядке, значит, нам особенно повезло, вперед, вперед!".

Цзи Хай открыл вторую раковину, но она была пуста. Сяо Юй успокоил: "Не все может быть удачным, продолжай открывать".

Третья преподнесла им приятный сюрприз: Цзи Хай вытащил жемчужину прямо ложкой, эта была чуть меньше первой, но необычайно круглая и совершенно исключительного качества. Одна такая жемчужина стоила десяти жемчужин плохого качества, а значит, такой жемчужины было бы более чем достаточно для Мэн Хуна.

Главное, что материнская оболочка не была повреждена, и Цзи Хай, как и распорядился Сяо Юй, имплантировал в нее другое ядро, тем самым сохранив материнскую оболочку.

Они выловили в общей сложности шесть садков с двадцатью семью раковинами, из которых десять были мертвы, оставив семнадцать раковин, давших девять жемчужин - показатель, которых Мэн Хун не мог даже представить, говоря, что жемчужники спасены.

Сяо Юй сказал Пэйю Линьчжи: "Линьчжи, положи эти шесть раковин обратно в море. Когда сборщики жемчуга вернутся, обменяйте жемчуг прямо у них на раковины".

Пэй Линьчжи кивнул: "Хорошо".

Несколько человек окружили тарелку и рассматривали жемчужины разного размера внутри. Три жемчужины были особенно хорошей формы, остальные тоже были неплохими. Жемчужины полуторагодовалого возраста имеют такой размер и внешний вид. Это действительно огромный сюрприз.

Сяо Юй вдруг подумал: Линьчжи, мы будем богаты!

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://bllate.org/book/14646/1300248>